

Вагнер в городе нибелунгов

Валерий Гергиев обязательно сомкнет кольцо

Леонид ГАККЕЛЬ

МАРИИНСКИЙ театр сейчас — это нечто грандиозное. Мировой успех, огромный репертуар, прекрасная молодая труппа, первоклассный оркестр и, конечно, художественный директор, музыкальный руководитель театра маэстро Валерий Гергиев: его творческая энергия — я утверждаю — не имеет себе равных в нынешней России. И именно в России он кажется одиноким. Коллеги настороже, критики — народилось новое их поколение — судят и рьят так, как будто перед ними рядовой театр и рядовой дирижер. А по мне — следует молиться на Гергиева. Такой славы сейчас никто не приносит своей стране; о ее величии мы говорим гадательно, но на мариинской сцене уже можно увидеть это величие. И такого изумительного личного порыва российская культура не знала с незапамятных времен.

Выговорив главное, скажу о поводе к написанному. Это мариинская премьера оперы Вагнера «Золото Рейна». Я должен признаться, что во мне все и всегда бунтовало против Вагнера: из-за вагнеровского культа в Германии, из-за нацистской страсти к Вагнеру, из-за отсутствия в нем человеческой высоты, из-за экспансии вагнеровского театра (особенно тетралогии «Кольцо нибелунга»), вокруг которого кормятся сотни деятелей космополитического оперного бизнеса. Но при этом очевидно, что оперной труппе, рассчитывающей на мировую авансцену, не обойтись без Вагнера и, что бы из его опер ни ставили (а в Мариинском уже идут «Парсифаль», «Летучий голландец», «Лоэнгрин»), в афише непременно должно присутствовать главное вагнеровское творение — «Кольцо нибелунга». А Мариинский театр делает при этом совершенно особое дело: он замыкает связь времен, ибо русский «Серебряный век» являлся

веком Вагнера. В Петербурге вагнерианцев было не счесть, и в Мариинке процветал вагнеровский абонемент. К 300-летию города Гергиев обещает дать полное «Кольцо нибелунга», и лучшего дела представить невозможно: Петербург вернул к его благоденственным временам, сомкнул начало и конец века — как если бы с Россией ничего не случи-

спектакле нет ни мифа, ни эпоса, а есть бытовой жанр, и это чрезвычайно облегчает для нас груз «Кольца нибелунга». Благодаря художнику-постановщику Готфриду Пильцу, одевшему вагнеровских персонажей в костюмы нашего века, без труда распутываются все сюжетные линии, ясно очерчиваются действующие лица — будь они в шкурах и рога-

ти на память шекспировские спектакли Роберта Стурра с их тревожаще-современной атрибутикой (считая костюмы). А в общем, петербургская постановка вписывается в почтенную (хотя и обновленную) вагнеровскую традицию Gesamtkunstwerk; это во век неперебиваемое немецкое слово буквально означает «совокупное произведение искусства».

ла тайных мировых сил. Ритм задается оркестром и дирижером. Два с половиной часа — без антракта — играет ими Вагнер, и, Боже правый, какая это энергетика и какое дыхание! Не знаю, кем нужно быть, чтобы сказать (и напечатать) о Гергиеве: «...го-тов 24 часа в сутки махать палкой по всему миру».

Сокрушительная артистическая сила заключена в этом человеке, грандиозный масштаб творческого деяния открывает он нам — и мы пятимся, ревнуя к его взлетам, не доверяя его подлинности. Но оркестр театра звучит горячо, напряженно, мощно — «по-вагнеровски!» Но прекрасно поют мариинские солисты: где же проблема «вагнеровских голосов»? Будто бы давно обжились в вагнеровском репертуаре Виктор Черноморцев (Альберих), Константин Плузников (Логе), Николай Гассиев (Миме), Злата Булычева (Эрда), а ведь они только на пороге основного вагнеровского сочинения.

Дело, конечно, в дирижере. Он соразмерил звучания певцов и оркестра, выбрал удобные темпы и при этом не дал себя заигнотизировать «Байройту», то бишь столетней вагнеровской рутине: все — как впервые (и на самом деле так!), все — с редкостными непосредственностью и увлечением. И Вагнер делается каким-то по-русски человеческим, во всяком случае, совмещается с нами, не таща за собой интернационального шлейфа пониманий и трактовок и не онемечиваясь (к чести постановщиков-немцев). Вагнер становится дружелюбным, и от него не отторгаешься. Вспомни и вспомни, что нибелунг — это тот, кто живет в стране туманов («нибель-лунг»), и Андрей Белый называл петербуржцев нибелунгами. Может быть, поэтому здесь так любили вагнеровское «Кольцо», может быть, поэтому Петербург должен получить его в дар от Мариинского театра? Впрочем, этот дар достанется не только нам, петербуржцам, но и всей культурной России.

Оркестр Мариинки звучит горячо, напряженно, мощно — «по-вагнеровски»

лось. А в том, что маэстро выполнит обещанное, я не сомневаюсь, поскольку он действует с истинно вагнеровским упорством. Помогает ему немецкая постановочная бригада, и это, конечно, прямая экономия сил: в театр готовы доставляется современный европейский Вагнер.

Начали, как и положено, с пролога вагнеровской тетралогии — «Золота Рейна». Уже полтора века это оперное сочинение нагружают символическим смыслом и, во всяком случае, тракуют как миф о власти, капитале и насилии; в новом же

тых шлемах, мы погружались бы в трясину внеисторического вымысла. А тут перед нами «последние человека в мирах, открытых Вагнером для вымыслов и мастодонтов», если воспользоваться словами Бориса Пастернака. Да еще и острый сценический рисунок дал режиссер Йоханнес Шаф — и в спектакле не оказалось ни минуты статики, ни минуты скуки, притом что музыка временами однотонна, как стихия. Современная трагикомедия разыгрывается на сцене, и кому-то из зрителей Мариинского театра — мне, например, — могут при-

Я к тому, что огромное впечатление от спектакля создают не только режиссура и сценография, но еще и свет — он мистичен, зловещ, прозрачен... множество эпитетов годится для того, чтобы описывать работу Манфреда Фосса, художника по свету! Подлинным апофеозом нашего Gesamtkunstwerk становится вторая картина — нибелунги в подземелье: вращающийся круг сцены, маленькие фигурки в черном (детский хор театра), мерцающие огни — и стук наковален, этот изумительный вагнеровский ритм, эта поразительная форму-

ИТАР-ТАСС

Общая газ. - 2000. - 17
Иск. - е. 10.